

*Никита Владимирович Мкртчян,
канд. геогр. наук, вед. науч. сотрудник
Института демографии Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
nmkrtchyan@hse.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-14-21

МИГРАЦИЯ И СУБУРБАНИЗАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦАХ И ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ

Региональные столицы, представленные в России почти исключительно крупными городами, и их пригороды являются центрами миграционного притяжения населения. Как показали расчеты, произведенные на основе базы данных показателей муниципальных образований (БД ПМО, Росстат) за 2012–2017 гг., по темпам миграционного прироста пригороды опережают столицы и фактически являются в России классом территорий, лидирующих по данному показателю. Данные о внутрирегиональной миграции в 39 регионах России, полученные по специальному запросу в территориальных органах Росстата, показали, что в подавляющем большинстве регионов пригороды перетягивают население у региональных центров, что является явным признаком начавшейся субурбанизации в России. Ежегодный суммарный миграционный переток населения из региональных столиц в пригороды составляет примерно 40–50 тыс. чел., что почти вдвое превышает миграционный прирост населения Краснодарского края за счет внутрисоссийской миграции.

Ключевые слова: региональные столицы, пригороды, миграция, субурбанизация, Россия.

Возобновление уверенного роста населения крупных городов России в результате миграции после перерыва в 1990-е гг., связанного с трансформационным кризисом, вновь напомнило о стадийности процессов урбанизации и степени ее завершенности/незавершенности в стране [Нефедова, Трейвиш 2002]. В какой мере рост крупных городов

распространяется на окружающие их территории (пригороды, субурбии) – для ответа на этот вопрос проанализируем роль отдельных потоков миграции в динамике населения и его структуры в столицах регионов России и их пригородных зонах.

Накопленный исследователями в Западной Европе и США немалый опыт изучения вопросов динамики населения крупных городов и их пригородов, разнообразие источников статистической информации о миграционных процессах в этих территориях позволил перейти к изучению структурных характеристик населения пригородов [Wulff Lobo 2009], особенностей естественного движения населения и др. С определенным отставанием структурные особенности роста населения городов и их пригородов стали изучаться в постсоциалистических странах Восточной Европы, в т. ч. на примере столиц стран или отдельных крупнейших агломераций [Kurek, Wojtowicz, Galka 2015; Ouředníček 2007]. В этих странах процессы субурбанизации, выраженные в опережающем росте пригородов крупных городов при стагнации крупных городов (центров), уверенно отмечаются исследователями уже в 1990-е гг. [Sander 2014; Tammaru, Kulu, Kask 2004].

В постсоветских странах развитие процессов субурбанизации запаздывает, имеет место незавершенность российской урбанизации [Нефедова, Покровский, Трейвиш 2015]. Увереннее растут крупные города [Карачурина, Мкртчян 2013; Махрова, Кириллов 2014], опережающий рост населения демонстрируют региональные столицы (в абсолютном большинстве – города с населением более 200 тыс. чел.) [Карачурина 2018]. В отличие от других стран, процессы субурбанизации в России изучены еще недостаточно, комплексное изучение пригородов в последние годы осуществлялось в Московской [Махрова, Нефедова, Трейвиш 2008; Ioffe, Zayonchkovskaya 2011], Иркутской [Григоричев 2013, 2017; Емельянова, Серебренников 2016] агломерациях, в Улан-Удэ и окрестностях [Бреславский 2014]. Согласно их результатам, рост населения пригородов связан как с расширением городов за пределы своих административных границ, так и с притоком в пригороды мигрантов из внутрирегиональной периферии, строительством в субурбии коттеджных поселков, куда переселяются жители центров агломерации. Именно в последнем случае мы имеем дело с классической субурбанизацией, на протяжении уже длительного времени наблюдаемой во многих развитых странах [Rérat 2012]. Также призна-

ком субурбанизации является рост пригородов за счет переезда в них жителей центра агломерации, что также наблюдается на западе, и, с определенным лагом запаздывания, в постсоциалистических странах [Sander 2014; Gnatiuk 2016].

Данные и использованные методы. Расчеты основаны на данных официальной статистики о численности и миграции населения на уровне городских округов и муниципальных районов (База данных показателей муниципальных образований – БД ПМО) по 72 регионам России. За исключением самых общих данных, в анализе не учитывались Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградскую области, которые в силу размера и структурной неоднородности пригородов заслуживают отдельного рассмотрения, а также ряд регионов, информация о которых не представлена в БД ПМО. Также использованы данные о внутрирегиональной миграции (форма t_pt2n) по 39 регионам, полученные из территориальных органов Росстата по специальному запросу. Пригороды региональных столиц выделены на основе авторской методики, опробованной в ряде публикаций [Мкртчян 2017; 2018]. К пригородам (пригородным зонам) здесь относим муниципальные образования, имеющие значительную по протяженности границу с территорией городского округа, на территории которого находится столица региона. Они могут состоять как из одного, так и нескольких муниципальных образований, чем крупнее региональная столица, тем, обычно, крупнее ее пригород.

Результаты и их обсуждение. Как показали ранее проведенные расчеты [Мкртчян 2017; 2018], в среднем численность населения пригородов в последние годы растет быстрее, чем региональных центров. По показателю интенсивности миграционного прироста в последние годы пригороды опережают региональные столицы (табл. 1).

В 2012–2016 гг. ежегодный прирост населения столиц и их пригородов за счет миграции в среднем составил 307 тыс. чел. (без учета Москвы, Санкт-Петербурга и их областей), в т. ч. 194 тыс. – за счет внутрироссийской и 113 тыс. – международной миграции. При этом весь прирост во внутрироссийской миграции обеспечивался за счет внутрирегиональных перемещений, т.к. в целом из региональных столиц и пристоличных территорий имел место небольшой (около 14 тыс. чел. ежегодно) отток населения в Москву, Санкт-Петербург и их области.

Почти 3/4 миграционного прироста пришлось на региональные столицы, но его интенсивность была выше в пригородах. Причем различия в интенсивности притока обеспечивает только внутрорегиональная миграция, показатели межрегиональной и международной миграции абсолютно схожи.

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения рассматриваемых регионов*, 2012–2016 гг., на 1000

Показатель	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	АТП
Все население рассматриваемых регионов, в т. ч.:	-0,3	-0,4	0,1	0,0
столицы регионов и пристоличные территории, всего	7,5	1,2	6,3	0,0
столицы регионов	7,2	1,4	5,8	0,1
пристоличные территории	8,7	0,5	8,2	0,4
остальные территории	-6,1	-1,5	-4,5	0,0

* без учета Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской областей, республик Дагестан, Ингушетия и Тыва, Ненецкого и Чукотского АО.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации, статистические бюллетени за 2013–2017 гг.; Росстат, БД ПМО.

В целом миграционный баланс крупных городов и их пригородов не имеет четко выраженной региональной специфики: активно притягивающие мигрантов региональные центры и их пригороды преобладают во всех частях страны, что доказывает повсеместную распространенность центростремительного тренда миграции.

Внутрирегиональная миграция – черты субурбанизации. Региональные столицы и их пригороды являются «операторами» очень большой доли миграции в пределах регионов. Быстрый рост пригородов в немалой степени обеспечивает миграция из городов, вокруг которых они формируются. Согласно данным по 39 регионам РФ, на внутрирегиональную миграцию «с участием» региональных столиц и их

пригородов приходится 17,3 фиксируемой Росстатом долговременной внутристрановой миграции и треть внутрирегиональной миграции.

Для пригородов роль региональной столицы в миграционном обороте особенно велика: в 2017 г. 45 % внутрироссийских (как внутри-, так и межрегиональных) мигрантов, прибывающих в пригороды, переезжают из региональной столицы, вокруг которых они формируются (табл. 2). В свою очередь, 42 % внутрироссийских мигрантов, покидающих пригороды, выбывают в региональную столицу.

Таблица 2

Распределение долговременных внутрироссийских мигрантов в столицы, пригороды и периферийные территории по направлениям переселений, 2017 г., %

Прибывшие в:	Откуда прибывают мигранты					Итого
	из др. регионов	из того же МО	из регион. столицы	из пригор. РС	из периф. МО	
регион. столицы	45,0	0,7	0,0	8,7	45,7	100,0
пригороды РС	26,0	6,6	45,0	1,4	21,0	100,0
периф. МО	46,7	10,7	14,0	1,4	27,1	100,0
Выбывшие из:	Куда выбывают мигранты					Итого
	в др. регионы	в тот же МО	в регион. столицу	в пригород РС	в периф. МО	
регион. столиц	53,2	0,8	0,0	12,8	33,1	100,0
пригородов РС	31,6	9,0	41,9	1,8	15,7	100,0
Периф. МО	47,5	10,2	17,3	2,2	22,9	100,0

Источник: Росстат, данные по 39 регионам, полученные по запросу.

Многие крупнейшие региональные столицы (табл. 3) имеют приток во внутрирегиональной миграции, но все теряют население в обмене с собственными пригородами. В целом из 39 регионов более

чем у 80 % региональные столицы теряют население в миграционном обмене с пригородами. Миграционный прирост пригородов 38 региональных столиц со своими столицами в 2017 г. составил 22,2 тыс. чел. Если распространить эти данные на оставшиеся регионы, получится, что переток населения из столиц в их пригороды ежегодно, по нашей оценке, составляет 40–50 тыс. чел., что превышает миграционный прирост Санкт-Петербурга или, почти вдвое – Краснодарского края. Именно пригороды во многих регионах России становятся территориями, испытывающими миграционный прирост со всеми без исключения муниципальными образованиями своего региона. Это можно расценивать как несомненные признаки субурбанизации, получающей в России все большую распространенность, несмотря на сильные географические вариации.

Таблица 3

Миграционный прирост/убыль населения отдельных региональных столиц с населением более 1 млн. человек, 2017, чел.

Город	Всего	Межрегион.	Внутри-регион.	Столица	Пригород	Остальные МО
Краснодар	11035	7262	3773	-	-406	4179
Уфа	1579	-886	2465	-	-2642	5107
Казань	3482	1799	1683	-	-2952	4635
Пермь	2609	-1417	4026	-	-1079	5105
Самара	-5248	-2168	-3080	-	-3147	67
Саратов	1341	-2050	3391	-	-470	3861
Челябинск	355	-2191	2546	-	-901	3447
Омск	-5827	-7659	1832	-	-192	2024
Новосибирск	278	1616	-1338	-	-2322	984
Красноярск	906	-970	1876	-	-1368	3244
ИТОГО	9326	-7310	16636	-	-11789	28425

Источник: Росстат, данные по 39 регионам, полученные по запросу.

Не только региональные столицы, но и центры второго порядка отдают население своим пригородам. Подобная картина наблюдается, например, в Тольятти, Нижнекамске, Набережных Челнах, Старом

Осколе, Стерлитамаке, Магнитогорске. Полагаем, что субурбанизация будет охватывать все большую долю городских агломераций, концентрирующих миграционной потоки как внутри-, так и межрегиональные.

Таким образом, расчеты показывают, что в России в 2010-е гг., с сильным запозданием не только относительно США, стран Западной, но и многих стран Восточной Европы, получил развитие процесс субурбанизации. Однако анализ статистических данных не позволяет, в какой мере этот процесс связан с развитием пригородов в классическом их понимании – малоэтажной застройки и иных признаков специфической пригородной среды, а в каком – выходом городов за пределы их административных границ. Ответ на эти вопросы нуждается в дальнейших исследованиях, в т. ч. на отдельных региональных кейсах.

Литература и источники

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 192 с.

Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Отгиск, 2013. – 248 с.

Григоричев К. В. Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. – 2017. – №1(3). – С. 31–42.

Емельянова Н. В., Серебренников Е. Н. Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестник Забайкальского гос. ун-та. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 96–107.

Карачурина Л. Б. Динамика населения региональных центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Известия РАН. Сер. геогр. – 2018. – № 4. – С. 7–21.

Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Изменение численности населения муниципальных образований РФ (1989–2010 гг.): центрo-периферийные взаимодействия // География населения и социальная география. Вопросы географии. Сер. Вопросы географии Русское географическое общество, Московский филиал. – 2013. – С. 82–107.

Махрова А. Г., Кириллов П. Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 134–144.

Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область сегодня и завтра: Тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.

Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. – С. 26–36.

Мкртчян Н. В. Региональные столицы и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. географическая. – 2018. – № 6. – С. 26–38.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.

Gnatiuk O. Demographic dimension of suburbanization in Ukraine in the light of urban development theories // AUC Geographica [S.1.]. N 52(2). – P. 151–163.

Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. Spatial shifts in the population of Moscow region // Eurasian Geogr. Econ. – 2011. – N 52(4). – P. 543–566.

Kulu H., Boyle P. J High fertility in city suburbs: Compositional or contextual effects? // European Journal of Population. – 2009. – N 25(2). – P. 157–174.

Kurek S., Wojtowicz M., Galka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // Moravian Geographical Reports. – 2015. – N 23(4). – P. 59–70.

Rožedniček M. Differential suburban development in the Prague urban region // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2007. – N 89(2). – P. 111–126.

Rérat P. The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland // Urban Studies. – 2012. – N 49(5). – P. 1107–1125.

Sander N. Internal migration in Germany, 1995–2010: New insights into East-West migration and re-urbanisation // Comparative Population Studies. – 2014. – N 39(2). – P. 217–246.

Tammaru T., Kulu H., Kask I. Urbanization, Suburbanization, and Counterurbanization in Estonia // Eurasian Geography and Economics. – 2004. – N 45(3). – P. 212–229.

Wulff M., Lobo M. The new gentrifiers: The role of households and migration in reshaping Melbourne's core and inner suburbs // Urban Policy and Research. – 2009. – N 27(3). – P. 315–331.